

Леонов Анатолий Иванович

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТНЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются изменения акцентных норм русского языка, вызванные социальными переменами в российском обществе в последние десятилетия. Отмечается, что изменение акцентных норм не соответствует общепринятой литературной норме, однако их распространение в профессиональной среде является крайне устойчивым, несмотря на все усилия нормализаторов русского языка. Автор приходит к выводу, что изменение акцентных норм обусловлено внутриязыковыми факторами. Норма изменяется вместе с развитием языка, и эти изменения отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов. Поскольку развитие языка представляет собой сложный и не прямолинейный процесс, колебания акцентных норм представляют собой неизбежный этап развития языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 122-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

поведения собеседников, характеризующееся своей лаконичностью, склонностью к информативности и краткостью описания явлений действительности.

Необходимость обозначения новых реалий жизни современного общества диктует потребность в создании неологизмов финского варианта английского языка, что свидетельствует о тесной связи лингвистических и экстралингвистических факторов развития контактного языка *Finglish*.

Подводя итог проведенному исследованию, целесообразно отметить, что морфология является наиболее устойчивым и глубинным ярусом языковой системы. Будучи строго организованной, обладающей конкретными понятиями и категориями, развивающимися по своим внутренним законам, морфология составляет фундамент национальной специфики языка.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для вузов по филологическим направлениям и специальностям. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: монография. Киев: Рідна мова, 1998. 254 с.
3. Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание. Модуль 4. Основы общей морфологии [Электронный ресурс] // Исторические изменения в морфологическом строе языка. М.: Восток-Запад, 2006. 382 с. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/4_06.htm (дата обращения: 30.01.2017).
4. Hellstrom W. Robert Finglish American Speech [Электронный ресурс]. Duke University Press, 1976. Vol. 51. № 1/2. P. 85-93. URL: <http://www.jstor.org/stable/455358> (дата обращения: 30.01.2017).
5. Randell K. Finglish [Электронный ресурс]. Boston University, 2004. 19 p. URL: http://www.genealogia.fi/emi/art/finglish_by_kent_randell.pdf (дата обращения: 30.01.2017).

THE ELEMENTS OF MORPHOLOGICAL SYSTEM OF THE CONTACT LANGUAGE FINGLISH

Kushnareva Svetlana Evgen'evna

Taurida National V. I. Vernadsky University
kushnarevasv92@gmail.com

This article examines the features of the morphological system of the Finnish version of the English language – Finglish at the present stage of the development of the Finnish linguistic-cultural society in the USA and Canada. The aim of the article is to examine the prerequisites of the changes in the basic grammatical categories of words of Finglish in the diachronic aspect. The results show that the Finglish native speakers' speech is characterized by nominative nature, with a predominance of nouns that have appeared as a result of the interaction of American English and Finnish. A characteristic feature of the contact language Finglish is laconism and informative presentation of the phenomena of the reality.

Key words and phrases: sociolinguistics; theory of language variation; morphology; phono-morphology; English; national version; contact language; lingua franca; Finglish; variant form.

УДК 811.161.1'34

В статье рассматриваются изменения акцентных норм русского языка, вызванные социальными переменами в российском обществе в последние десятилетия. Отмечается, что изменение акцентных норм не соответствует общепринятой литературной норме, однако их распространение в профессиональной среде является крайне устойчивым, несмотря на все усилия нормализаторов русского языка. Автор приходит к выводу, что изменение акцентных норм обусловлено внутриязыковыми факторами. Норма изменяется вместе с развитием языка, и эти изменения отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов. Поскольку развитие языка представляет собой сложный и не прямолинейный процесс, колебания акцентных норм представляют собой неизбежный этап развития языка.

Ключевые слова и фразы: акцентные нормы; изменение норм языка; влияние профессиональной среды; профессиональный подязык; частотность употребления; узус; внутриязыковые факторы.

Леонов Анатолий Иванович, к. филол. н.
Воронежский государственный университет
leonov@interedu.vsu.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТНЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия в русском языке происходят заметные изменения, затрагивающие все сферы функционирования языка. В основе этих изменений лежат разные социальные факторы, такие как «демократизация русского общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, антитоталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, открытость к веяниям с Запада в области экономики, политики, культуры и др.» (что отмечает Л. П. Крысин [3]).

Действительно, изменения последних десятилетий в российском обществе привели к переменам в общественном сознании людей и в конечном итоге вызвали изменения в языковых процессах. После доминировавшей в советское время жестко регламентированной публичной речи любой носитель языка получил возможность участвовать в живой дискуссии в СМИ.

Однако возникшее обилие непрофессиональных ораторов на радио и телевидении приводит к тому, что акцентологические закономерности русского языка сильно «раскачались» и их кодификация становится в настоящее время все более затрудненной. По мнению Н. С. Валгиной, «особенно это заметно в области ударения, т.к. в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых <...> На таком общем фоне оказывается сложным наблюдать собственно тенденции в области русского ударения, заложенные в самой языковой системе, хотя в принципе они известны и намечились еще в середине века, но наиболее интенсивно проявляются в современных условиях» [1, с. 62].

Разумеется, языковые изменения представляют собой закономерный процесс, и фонетическая система языка всегда оставалась достаточно консервативной. Однако, по мнению ряда исследователей, динамика акцентных изменений в речи явно превышает нормативные темпы развития языка.

Рассмотрим здесь только несколько характерных примеров изменения акцентных норм в речи.

1. В современном русском языке практически полностью вышло из употребления ударение на частице *-ся* в глаголах с основами *-ча*, *-ня* (*начаться*, *приняться*, *подняться*, *сняться*, *заняться*). Такое ударение считается нормативным теперь только у нескольких глаголов в форме мужского рода: *начался*, *принялся*, *поднялся*, в остальных случаях такая норма оценивается как устаревшая (*предался развлечением*) [2]. Наблюдения, впрочем, показывают, что ударение на частице *-ся* во всех глаголах этой группы не встречается практически никогда: *начался процесс*, *занился спортом*, *принялся за работу* и т.п. В остальных формах глаголов этой группы наблюдается перенос ударения на аффиксальный гласный: *давление поднялось*, *идея не привилась*, *начались беспорядки*.

2. Другим примером изменения акцентной нормы можно считать широкое распространение таких форм, как *осужденный* (преступник), *осужден(а)*, *возбуждено* (уголовное дело) вместо общепринятых *осуждённый*, *осуждён / осужденá*, *возбуждено́* (дело). В последние годы эти формы получили широкое распространение в профессиональной среде юристов, полиции, работников пенитенциарной системы и т.п.

Безусловно, употребление этих форм не соответствует общепринятой литературной норме, однако их распространение в профессиональной среде является крайне устойчивым, несмотря на все усилия нормализаторов русского языка. В этой среде такая норма произношения считается своего рода знаком принадлежности к определенному профессиональному кругу лиц и к определенному виду деятельности.

Вероятно, мы становимся здесь свидетелями возникновения новой акцентной нормы, и, по-видимому, нормализаторская работа в данном случае лишается смысла.

3. Известно, что в современном русском языке продуктивными являются формы именительного падежа множественного числа на *-á/-я́* (*колоколá*, *якоря́*). Эти формы исторически восходят к двойственному числу существительных в древнерусском языке, обозначавших парные предметы: *глаза*, *рога*, *бока*, *рукава*, *берега*.

С исчезновением двойственного числа у существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа наряду со старой формой *-ы́* появилось новое окончание *-á*, которое стало вытеснять окончание *-ы́*. Так, в современном русском языке *поезд* во множественном числе имеет окончание *-á*, в то время как еще в XIX веке нормой было *-ы́*, например: «Поезды на железной дороге останавливаются по причине больших выпавших снегов на четверо суток» (из письма Н. Г. Чернышевского отцу 8 февраля 1855 г. [7, с. 388]).

Формы на *-á/-я́* прочно закрепились в литературном языке, например, во многих односложных словах (типа *бег – бегá*) – *векá*, *лесá*, *сортá* – и в двусложных словах с ударением на первом слоге в единственном числе (*вечер – вечерá*): *берегá*, *вексельá*, *докторá*, *паспортá*, *тормозá*. В других случаях наблюдается их параллельное употребление с формами на *-ы́(-и́)*, но с дифференциацией по значению, ср.: *корпусá* (войсковые соединения или здания) и *корпусы* (туловища людей и животных); *орденá* (награды) и *ордены* (монашеские союзы в Средние века). В третьих случаях наблюдается их параллельное употребление с формами на *-ы́(-и́)*, но со стилистической дифференциацией, ср.: *инженэры*, *инспэкторы кондукторы* (литерат.) и *инженерá*, *инспекторá*, *кондукторá* (разг.), где формы на *-á/-я́* выходят за пределы акцентной нормы.

В последнее время заметно увеличилась частотность употребления этого последнего подкласса: *взводá*, *срокá*, *обыскá*, *тросá*, *слесаря́*, *токаря́*, *опера́*, *мичманá*, *штурманá*, *шкитерá*, *штурмá*, *компасá*, *рапортá*, и т.п. (на что обратил внимание Л. П. Крысин [3]).

Такие формы проникают в речь, как правило, из профессиональной среды и входят в состав профессиональных подязыков, таких как морской: *мичманá*, *штурманá*, *боцманá*, *лоцманá*, *бортá*, *тросá* (по аналогии с *парусá*); военный: *взводá*, *кительá*, *порохá*; технический: *слесаря́*, *токаря́*, полицейский и тюремный жаргон: *опера́*, *фраерá*.

Хотя лингвисты давно отмечали распространенность таких форм в профессиональном языке [5, с. 179-187], в последние десятилетия наблюдается активное увеличение числа этих форм в публичной речи, что, очевидно, свидетельствует об изменении нормы.

4. В русском языке достаточно частотными являются глаголы с формой инфинитива на *-ить*. Ударение в этой группе распределяется между двумя типами: на основе (*ста́вить*, *ста́влю*, *ста́вит*) и на окончании (*брани́ть*, *бранию́*, *брани́шь*).

Наблюдения показывают, что в этой группе происходит процесс переноса ударения с личных окончаний на корневую часть в соответствии с общей тенденцией к закреплению неподвижного ударения в глаголах.

В ряде глаголов – *курить, варить, дарить, солить* – процесс переноса ударения уже закончился и нормативным установилось произношение *ку́рит, ва́рит, да́рит, хва́лит*, а формы *кури́т, вари́т, дари́т, хвали́т* более в языке не употребляются. Перенос ударения на корень происходит медленно, но тенденция к закреплению ударения носит направленный характер. В ряде глаголов типа *включить, вручить, облегчить, углубить* процесс еще продолжается, примером чему служит наличие вариантных форм: *включи́т / вклучи́т, вручи́т / вру́чит, облегчи́т / обле́гчит, углуби́т / углуби́т*.

Несколько лет назад в российской прессе прошла оживленная дискуссия об ударении в глаголе *звонить*, в частности, о нормативности вариантов *звони́т* или *звóнит*. Дискуссия выявила множество точек зрения, и в целом они разделились пополам. Вариант *звóнишь, звóнит* многим очень режет слух и считается неправильным. Тем не менее, поскольку языковая тенденция носит объективный характер и глагол *звонить* подчиняется ей, с большой долей уверенности можно утверждать, что форма *звóнит* со временем станет нормативной.

Массовое вхождение в литературно-речевой обиход такого рода инноваций вызывает необходимость оценки их как с позиций нормы, так и в отношении их социальной маркированности: многие из новшеств имеют отчетливо выраженное «социальное происхождение».

Нам представляется справедливой позиция А. Мустайоки о том, что все разновидности нормы основываются на интуитивном представлении людей о правильности той или иной языковой единицы и то, как люди говорят (узус), являет собой только косвенное представление о норме. Существующие нормы иногда вызывают протесты у людей, не желающих или по каким-то причинам не способных подчиняться правилам сверху. Одним из проявлений такого рода непокорности считается создание разных слэнгов и других ненормативных разновидностей языка. Тем самым создание своего языка служит эффективным средством выстраивания границы группы: «мы» – это те, кто вот так говорит [4, с. 7].

Следует иметь в виду, что понятие нормы применительно к литературному языку обычно рассматривается в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка, т.е. совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием «литературный язык» (кодифицированный язык, языковой стандарт). В широком смысле норма понимается как результат традиции, как многолетний опыт использования языковых единиц и их сочетания. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка.

В целом сосуществование языковых средств, закрепленных в норме путем ее кодификации, и языковых средств, идущих из речевой практики, представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса. При этом взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда имеют характер конфликта, разрешаемого непременно в пользу одной из сторон.

Сосуществующие в литературном языке акцентные варианты функционально и коммуникативно подвижны, и их использование зависит от разных факторов: социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) [6].

Подводя итог вышесказанному, мы можем констатировать, что изменение акцентных норм речи обусловлено внутриязыковыми факторами и оно может свидетельствовать либо о противоречиях во внутренней системе литературного языка, либо о воздействии внешних факторов. Норма изменяется вместе с развитием языка, и эти изменения отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов. Развитие языка представляет собой сложный и далеко не прямолинейный процесс, и колебания акцентных норм – неизбежный этап развития языка.

В этом отношении языковая ситуация в России соответствует тем глобальным процессам, которые происходят практически везде в мире. В силу этого оценка спорных фактов современной речи требует сознательного и взвешенного подхода.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Вольвак Н. П. Активные процессы в области современного ударения [Электронный ресурс] // International Electronic Scientific & Technical Library. URL: <http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatPhilology/170000003/170000003.htm> (дата обращения: 24.10.2016).
3. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63-91.
4. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 3-27.
5. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 351 с.
6. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
7. Чернышевский Н. Г. Письма 1838-1876 гг. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Художественная литература, 1949. Т. 14. 899 с.

VARIABILITY OF ACCENTUAL NORMS IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Leonov Anatolii Ivanovich, Ph. D. in Philology
Voronezh State University
leonov@interedu.vsu.ru

The article discusses changes of accentual rules of the Russian language, caused by social changes in the Russian society in recent decades. It is noted that the change of the accentual norms does not correspond to the rules of the standard literary norm, but their spread in the professional environment is extremely stable, despite the best efforts of the Russian language normalizers. The author concludes that the change of accentual standards is due to intralingual factors. Norms change together with the development of language, and these changes are represented in the usage as innovations and co-existing variants. Since the development of language is a complex and not a straightforward process, fluctuations of accent norms are an inevitable stage of language development.

Key words and phrases: accentual norms; change of language norms; impact of professional environment; professional sub-language; frequency of use; usage; intralingual factors.

УДК 81.373+811.161.1+811.58

В статье рассматривается образная семантика русских и китайских фразеологизмов со значением «эмоциональное состояние человека». Цель исследования – выявить и сопоставить концептуальные метафоры, лежащие в основе фразеологизмов одной семантической группы. Доказано сходство русского и китайского языков в использовании зооморфного, натуроморфного, соматического культурных кодов. Показано различие в выборе конкретных средств создания образности в русских и китайских фразеологизмах, обусловленных национальными традициями и культурными ценностями двух этносов.

Ключевые слова и фразы: фразеология; национально-культурное значение; семантика; метафора; образность; код культуры.

Михайлова Ольга Алексеевна, д. филол. н., профессор
Чэн Юйсяо

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
oamih@yandex.ru; 1535450093@qq.com

СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОЙ МОТИВАЦИИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

Эмоции составляют неотъемлемую часть человеческого существования, передавая разнообразие внутреннего состояния личности. Естественно, что богатство мира эмоций отражено в языке, прежде всего в его лексическом составе и фразеологии. В русском и китайском языках большое число фразеологических единиц (далее – ФЕ) обозначает эмоции. Такие ФЕ стали предметом нашего изучения. Для анализа отобраны 161 русский фразеологизм и 150 китайских фразеологизмов со значением «эмоционального состояния лица».

Характерной чертой фразеологизма, по мнению В. Н. Телии, «является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с национальным мировидением» [6, с. 214]. Образ – это один из способов познания мира. Образ вызывает ассоциации с различными предметами, текстами, действиями, обогащенными культурной семантикой. И закрепленная во фразеологическом фонде языка система образов служит «своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Там же, с. 215].

Сопоставление русских и китайских ФЕ со значением «эмоциональное состояние человека» показало, что в основе их семантики лежат механизмы метафоризации. Компоненты ФЕ, несущие образность, являются именами реалий, получивших культурное переосмысление и представляющих код культуры.

Код культуры – это «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют» [4, с. 232]. По мнению Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой, «коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, в них зафиксированы наивные представления о мироздании. Выделяются следующие коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, природно-ландшафтный, предметный, биоморфный, духовный» [1, с. 29].

Как показал анализ, в исследуемых ФЕ слова-компоненты представляют разные коды культуры.

Соматическая фразеология демонстрирует универсальность соответствующего культурного кода. В наивной картине мира русского и китайского народов внутреннее эмоциональное состояние человека, вызываемое воздействием внешних факторов, часто связано с каким-либо органом человеческого организма. В русском языке насчитывается 65 ФЕ с соматическим кодом культуры, что составляет около 40% от общего количества. А в китайском языке обнаружено 56 таких фразеологизмов, что составляет 37% от общего числа. Соматический код